

Семантика образа Синеглазого в книге В. Катаева «Алмазный мой венец»

В статье анализируется образ одного из персонажей книги В. Катаева «Алмазный мой венец», которого автор называет Синеглазый и прототипом которого послужил М. Булгаков. Показано, что образ Синеглазого включает в себя три составляющие: мемуарную, литературную, мифологическую. Делается вывод, что В. Катаев не только обращается к той части булгаковского мифа, которую можно определить, как писатель — пророк, но и предлагает еще одну составляющую этого мифа — о демоническом в личности Синеглазого-Булгакова.

The article analyzes the image of one of the characters from the book “My emerald crown” by V. Kataev. The character is called “Blue-eyed” and is considered to be a prototype to Mikhail Bulgakov. The article shows that the image of “Blue-eyed” includes three parts: memorial, literary, and mythological. The article concludes that V. Kataev not only addresses the author — prophet part of Bulgakov’s myth, but also suggests one more part of this myth — a demonic nature in “Blue-eyed” Bulgakov character.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ФРАЗЫ: В. П. Катаев, М. А. Булгаков, «Алмазный мой венец», булгаковский миф, мифологическая традиция, литературная традиция, мемуарная традиция, образ, персонаж, семантика.

KEYWORDS AND PHRASES: V. Kataev, M. Bulgakov, “My Emerald Crown”, Bulgakov’s myth, mythological tradition, tradition of memoir writing, image, character, semantics.

В. Катаев в книге «Алмазный мой венец» (1975–1977)
пишет:

Что касается дома «Эльпит-рабкоммуна», то о нем был напечатан в газете «Накануне» весьма острый, ядовитый очерк,

написанный неким писателем, которого я впредь буду называть синеглазым...¹

Так в произведение вводится персонаж, под которым скрывается автор рассказа «№ 13. — Дом Эльпит-рабкоммуна» М. А. Булгаков². Книга В. Катаева содержит немало деталей из биографии М. Булгакова, оценки его творчества и места в литературе, определение основных черт характера, мировоззрения, описание внешности (с которым можно согласиться, рассматривая фотографии писателя, лишь отчасти), часто оценочное (см., например: «...присутствовало нечто актерское, а временами даже и лисье» [63]).

Анализ примеров совпадения реальной биографии М. Булгакова и персонажа книги «Алмазный мой венец» проведен в книге М. А. Котовой и О. А. Лекманова (написанной при участии Л. М. Видгофа) «В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. П. Катаева „Алмазный мой венец“» (в дальнейшем — Комментарий)³. Нашей целью является попытка расширить представление о специфике созданного Катаевым образа Синеглазого, проанализировав разные его семантические составляющие.

Первое, о чем стоит сказать, — это соединение в книге «Алмазный мой венец» двух взаимоисключающих посылов, касающихся образа Синеглазого. С одной стороны, в начале книги обо всех ее героях (и, следовательно, о Синеглазом) устами персонажа — скульптора Брунсвика — сказано:

Вы, ребята, молодцы. Я больше не хочу делать памятники королям, богачам, героям, вождям и великим гениям. Я хочу ваять малых сих. Вы все — моя тема [8].

Согласно логике персонажа, Синеглазый — один из многих, кто не является «великим гением». С другой стороны, автор-повествователь о Синеглазом сообщает: «Впоследствии романы и пьесы синеглазого прославились на весь мир, он стал общепризнанным гением, сатириком, фантастом...» [63]. В следующем абзаце, впрочем, уточняется: «...а тогда он был рядовым газетным фельетонистом» [63]. На других страницах при этом повествователь будет оценивать персонажа как «громадный талант» [64].

Катаев уделяет Синеглазому особое внимание. Это проявляется, например, в том, что его, единственного из

всех героев, повествователь противопоставляет себе и своим друзьям по принципу: *он — мы*. См., например:

Он был несколько старше всех нас, персонажей этого моего сочинения, тогдашних гудковцев, и выгодно отличался от нас тем, что был человеком положительным, семейным, с принципами, в то время как мы были самой отчаянной богемой, нигилистами, решительно отрицали все, что имело хоть какую-нибудь связь с дореволюционным миром... [63].

Если повествователь и его товарищи тогда признавали только творчество Маяковского, Мейерхольда, Татлина, то

...Синеглазый <...> наоборот, был весьма консервативен, глубоко уважал все признанные дореволюционные авторитеты... [63];

...В нем было что-то неуловимо провинциальное [64].

Мысль о провинциальности трижды повторяется в пределах одной страницы. Видимо, она особо дорога автору, который себя провинциалом не считает.

«Он любил поучать — в нем было заложено нечто менторское» [64]. По всей вероятности, эта оценка персонажа имеет мемуарную составляющую и основывается на восприятии В. Катаевым М. Булгакова как человека и писателя.

Не менее важна литературная составляющая образа. Прежде всего мы имеем в виду отражение в образе Синеглазого образа Ивана Ивановича из рассказа «Медь, которая торжествовала» того же автора, а также присутствие в тексте Катаева отсылки к произведениям Синеглазого / Булгакова.

Тот факт, что в книге В. Катаева «Алмазный мой венец» присутствуют отсылки к рассказу «Медь, которая торжествовала» (1923), уже отмечали исследователи⁴. Рассказ посвящен теме любви рассказчика к Елене, сестре Ивана Ивановича. В книге «Алмазный мой венец» Иван Иванович из рассказа «Медь, которая торжествовала» — это Синеглазый (прототип обоих героев — М. Булгаков⁵), Елена из рассказа — Синеглазка (прототип — сестра М. Булгакова Елена Афанасьевна Булгакова (в замужестве Светлаева)⁶). В рассказе тема любви рассказчика к Елене является главной. Расставание героев, приведшее к разрыву отношений, рассказчиком объясняется двумя причинами: необходимостью заслужить право жениться на сестре Ивана Ивановича, для чего надо выполнить

условия, поставленные братом Елены (стать обладателем ряда материальных ценностей, в числе которых «две дюжины белья, три пары обуви (одна лаковая)»⁷, три костюма и пр. и Библия) и собственный максимализм рассказчика: жениться — и уже не расставаться, «все или ничего»⁸. Для читателя виновник — брат с его материальным, где-то буржуазным взглядом на мир (воспринятым, как выясняется далее, и его сестрой). В Иване Ивановиче, в отличие от Синеглазого, нет ничего inferнального. Это «бывший», мещанин, который и при советской власти пытается жить по-старому. Иван Иванович, а во второй части рассказа и Елена, изображены карикатурно, им противопоставлен образ рассказчика — революционного романтика и художника-бессеребряника.

Рассказ Катаева — месть (Булгаков действительно помешал его женитьбе на Елене Булгаковой⁹) и по тем временам даже своеобразный донос. Т. Н. Лаппа так характеризовала это произведение:

...Катаев фельетон про Булгакова написал — в печати его, кажется, не было, — что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон...¹⁰

Приведем несколько цитат, характеризующих Ивана Ивановича:

Он не любит революции, не любит потрясений, не любит нищеты и героизма¹¹;

...жестом благородного отца он хватается за голову...¹²;

...многочисленное благородное семейство...¹³;

Что скажут родственники? Она — и вдруг выходит замуж за поэта! За бедняка, за бродягу, за... за...! Он не находит слов. Это нечто чудовищное. Нет! нет!¹⁴;

Бедняга. Он мечтает об Америке и долларе. Мысленно он делает замечания лакею во фраке и ездит в моторе. Мысленно он пользуется тремя сортами воды и читает на ночь библию.

В кармане у него чековая книжка Лионского кредита и громадная утренняя газета с миллионным тиражом¹⁵.

Рассказ был написан зимой 1923 г., в 1925 г. включен Катаевым в книгу «Бездельник Эдуард». Сборник имеет

посвящение: Анне Сергеевне Катаевой (на ней автор женился в апреле 1923 г.¹⁶; исследователь С. Шаргунов пишет по этому поводу: «Как полагали некоторые — спешно и в отместку Леле Булгаковой»¹⁷). Книга с дарственной надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу Булгакову с неизменной дружбой плодovitый Валюн. 2 мая 1925 г. Катаев»¹⁸, сохранилась в архиве Булгакова. Надпись на ней, на наш взгляд, содержит ироническое напоминание, что у него-то, «Валюна»-Катаева, все нормально: он «плодовит» и успешен. Действительно, в середине 1920-х Катаев печатался в ведущих сатирических журналах, издал два романа «Остров Эрендорф» и «Повелитель железа» (1924), книгу «Сэр Генри и черт» (1923), в целом благосклонно оцененные критикой¹⁹. Тогда как у «дорогого Михаила Афанасьевича» дела были не так хороши: его фельетоны и очерки выходили в популярных изданиях, но сам Булгаков к этим произведениям не относился серьезно²⁰, а из пяти относительно крупных произведений полностью к этому времени были опубликованы только два — повести «Дьяволиада» и «Роковые яйца», фрагментарно — повесть «Записки на манжетах» и без концовки — роман «Белая гвардия»; повесть «Собачье сердце» не прошла цензуры и даже впоследствии была конфискована при обыске у Булгакова²¹. 2 мая 1925 г. один писатель с удовольствием надписывал свой сборник рассказов, а второй получил письмо, сообщающее «рукопись [повести «Собачье сердце». — М. К.] цензура <...> задерживает»²².

В дневнике М. Булгакова от 27 августа 1923 г. есть такая запись:

Только что вернулся с лекции «сменовеховцев»... Сидел рядом с Катаевым. Толстой, говоря о литературе, упомянул в числе современных писателей меня и Катаева²³.

Однако, как пишет в своей книге С. Шаргунов, «берлинское „Книгоиздательство писателей“ выделило Толстому деньги на сборник московских авторов. Но вместо этого он решил издать одного Катаева»²⁴. В результате Катаев получил возможность напечататься в объеме десяти печатных листов²⁵.

Этот случай тоже показывает, что Катаев лучше «встроен» в современную действительность. Положение же Булгакова в литературе весьма шаткое.

Важное замечание делают в своем Комментарии М. А. Котова и О. А. Лекманов:

Отметим, что опечатки в этом экземпляре книги К. выправил только в рассказе «Медь, которая торжествовала» (в котором шаржированно изображен автор «Дьяволиады»), обратив, таким оригинальным способом, особое внимание Булгакова на свой шарж²⁶.

Однако с годами, видимо, обида Катаева прошла или стала менее острой. Он вынужден был считаться со славой Булгакова, да и время было другим. Идеологических выпадов против Булгакова, которые присутствовали в рассказе «Медь, которая торжествовала», в книге «Алмазный мой венец» уже нет. Теперь рассказчик ограничивается формулой «несходство наших взглядов на жизнь» [64]. Образ «писательского письменного стола», едва намеченный в рассказе, развернут в книге. Сравним два фрагмента — из рассказа:

Он гораздо старше меня, он писатель, у него хорошая жена и строгие взгляды на жизнь. <...> Я приходил к нему вечером и садился на диван против зеленого абажура лампы, висящей над писательским письменным столом²⁷,

и из книги «Алмазный мой венец»:

У синеглазого был настоящий большой письменный стол, как полагается у всякого порядочного русского писателя, заваленный рукописями, газетами, газетными вырезками и книгами, из которых торчали бумажные закладки. Синеглазый немножко играл роль известного русского писателя. Даже, может быть, классика... [69]

Вторая цитата, при всей ироничности, актуализирует основное в образе Синеглазого: он — писатель, «честолюбивый, влюбчивый и легкоранимый художник, в душе которого бушевали незримые страсти» [64] (а не мещанин, хотя «неплохой писатель»²⁸, как в рассказе «Медь, которая торжествовала»).

Катаев называет в своей книге следующие произведения Булгакова: «острый, ядовитый очерк» о доме «Эльпит-рабкоммуна» [63], «Дьяволиада» [66], «Белая гвардия» [77], «Мастер и Маргарита» [73, 181, 185]. Преимущественное внимание при этом автор уделяет «Дьяволиаде» и особенно роману «Мастер и Маргарита», что, на наш взгляд, связано с третьей составляющей образа Синеглазого — мифологической.

Образ брата по сравнению с рассказом в книге свернут: в сущности, читателю сообщается только, что у Синеглазого была сестра — Синеглазка. О том, что Синеглазый против свадьбы сестры и ее возлюбленного, не говорится. Их любовь и расставание переведены в инобытийное, мифологическое пространство. В книге несколько раз в разных вариациях присутствует такое описание:

На горизонте, за подмосковными лесами нам уже блеснула на солнце звезда золотого купола Христа Спасителя и две тени — ее и моя, — сидевшие на ступенях храма, а за нами величественно возвышалась массивная бронзовая дверь [55].

Влюбленные сидят на паперти, как нищие, и просят подаяния — милосердия к ним. *Чьего?* На этот вопрос текст не отвечает. Но рассказчик признается:

В этот мучительно длинный летний день мы любили друг друга сильнее, чем за все время нашего знакомства. Казалось, мы не сможем прожить и одного дня друг без друга. И в то же время мы знали, что между нами навсегда все кончено [55].

На вопрос: «Какая же *страшная сила* разлучила нас?» [55], герой-рассказчик отвечает:

Не знаю. Не знал ни тогда, ни теперь, когда пишу эти строки. Она тоже не знала. И никогда не узнает, потому что ее уже давно нет на свете. Никто не знал. Это было вмешательство в человеческую жизнь *роковой силы* как бы извне, не подвластной ни человеческой логике, ни простым человеческим чувствам.

Нами владел рок. Мы были жертвами *судьбы* [56].

Характерно описание сцены с несостоявшимся поцелуем. Поцелуй бы состоялся, если бы, как говорит рассказчик,

...вдруг мимо нас, с трудом пробираясь по плечи в траве, под звуки барабана не прошел маленький отряд пионеров в белых рубашках и красных галстуках. <...> Мы отпрянули друг от друга.

И когда пионеры скрылись в зарослях Сокольнического леса, мы поняли, что бессильны противостоять той *злой таин-*

ственной силе, которая не хотела, чтобы мы навсегда принадлежали друг другу [56].

Роковой, «злой таинственной» силой оказываются советские дети, пионеры. Можно предположить, что либо в силу безупречной репутации Катаев позволил себе шутку с политическим подтекстом, либо это ход писателя, обыгравшего вечную и всем известную ситуацию, когда невинный ребенок, сам того не желая, нарушает интимную атмосферу и мешает осуществить желаемое родителям или незнакомым людям.

Бытовая, по преимуществу, зарисовка встречи (см. фрагмент о том, как влюбленные бродили, не в силах расстаться, по Москве,

иногда целовались, плакали, пока наконец не очутились возле храма Христа Спасителя и сели, измученные, на его гранитные ступени, еще не остывшие после дневной жары, прижались друг к другу, немного вздремнули... [57]) —

вырастает в мифологическое повествование с мотивами Апокалипсиса:

Близился рассвет. Город был пуст и мертв. Только где-то очень далеко и очень высоко слышался звук невидимого самолета, и мне показалось, что уже произошла непоправимая катастрофа, началась всемирная война и город вокруг нас был уже умерщвлен какими-то бесшумными химическими или физическими средствами, что нас — ни ее, ни меня — уже нет в живых, наши души отлетели и только остались два неподвижных тела, прижавшихся друг к другу в вечном сне на гранитной лестнице мертвого храма, лишённого божества, хотя мертвый золотой купол в лучах только что взошедшего мертвого солнца все еще продолжал жарко сиять над вымершей Москвой, над вымершими лесами Подмосковья... [57].

Приведенный выше отрывок из книги В. Катаева «Алмазный мой венец», по нашему мнению, содержит аллюзии на повесть М. Булгакова «Роковые яйца». Сравним. У Катаева: «город был пуст и мертв», «уже произошла непоправимая катастрофа», «город вокруг нас был уже умерщвлен какими-то бесшумными химическими или физическими средствами», «вымершая Москва», «вымершие леса Подмос-

ковья». Канонический вариант повести «Роковые яйца»: описание сначала «невыносимого лая, который постепенно перешел в общий мучительнейший вой», а потом мертвой тишины в концовке перед катастрофой параллельное описание криков, «воюющей ночи» и паники, охватившей Москву, когда стало известно о наступающих на столицу гигантских змеях, крокодилах и страусах, и мертвому ночному молчанию института, где сидит Персиков, лучше многих осознающий масштаб катастрофы²⁹. Еще ближе к изображенному Катаевым — дошедший только в пересказе первый финал повести Булгакова: «Заключительная картина — мертвая Москва и огромный змей, обвившийся вокруг колокольни Ивана Великого»³⁰.

Возможны также аллюзии в тексте В. Катаева на пьесу М. Булгакова «Адам и Ева», где присутствуют мотивы начавшейся войны, сходной с концом света, отравления населения ядовитым газом, образ летчика, тема любви и др. Упомянутый этих произведений в книге «Алмазный мой венец» нет, но их автор — прототип Синеглазого.

Образ Синеглазого наделен мистическим, мифологическим ореолом. Приведем несколько характерных фрагментов:

Несмотря на все несходство наших взглядов на жизнь, нас сблизил с синеглазым страстная любовь к Гоголю... [64];
Эти два магических Г — Гофман и Гоголь — стали нашими кумирами. Все явления действительности предстали перед нами как бы сквозь магический кристалл гоголевско-гофманской фантазии [65];
Синева его глаз казалась несколько выцветшей, и лишь изредка в ней вспыхивали дьявольские огоньки горячей серы, что придавало его умному лицу нечто сатанинское [65].

Наряду с Синеглазым, мифологичностью амплуа (падший ангел или живой мертвец, оборотень [105, 106, 110, 127, 129]) отличается также Колченогий, но его образ прописан в книге менее тщательно.

Повествователь не только повторяет найденную деталь:

синеглазый вдруг как бы сделал стойку, понюхал воздух, в его глазах вспыхнули синие огоньки горячей серы [66], —

но и объясняет происхождение дьявольского начала в Синеглазом:

Синеглазый вообще был склонен к общению со злыми духами, порождениями ада [66]; Мы ставили на черное или на красное, на чет или на нечет и почему-то выигрывали. Быть может, нам помогала нечистая сила, о которой впоследствии синеглазый написал свой знаменитый роман [73].

Монблан для рассказчика всегда

покрывали облака, тучи, туманы <...>, вздымающиеся волнами, как сумрачный плащ Воланда (плод воображения синеглазого, заряженного двумя магическими Г) [здесь и далее в цитатах курсив наш. — М. К.], возникшего в районе Садовой-Триумфальной между казино, цирком, варьете и Патриаршими прудами <...>.

Тогда еще там проходила трамвайная линия, и вагон, ведомый комсомолкой в красном платке на голове — вагоновожатой, — отрезал голову атеисту Берлиозу, поскользнувшемуся на рельсах, политых постным маслом из бутылки, разбитой разявкой Аннушкой по воле синеглазого, который тогда уже читал мне страницы из будущего романа.

Действие романа «Мастер и Маргарита» происходило в том районе Москвы, где жил синеглазый, и близость цирка, казино и ревью помогли ему смоделировать дьявольскую атмосферу его великого произведения [181].

Дьявольская природа Синеглазого подчеркивается рассказчиком даже через описание места жительства героя: пространство включает в себя локусы, так или иначе связанные с дьявольским началом, с человеческими пороками, соблазнами и шутством: казино (азарт, любовь к деньгам), цирк (различные фокусы, в том числе с деньгами), варьете (соблазн). Вспомним, что «в народных легендах дьявол появляется там, где присутствует мотив искушения, соблазна»³¹. Катаев работает в русле мифологической традиции, где дьявол понимается как обольститель (см. также: в народе черта иногда называют «черный шут»³², в «Фаусте» И.-В. Гете Господь называет Мефистофеля «плут и весельчак»³³).

Одновременно Катаев отсылает читателя к роману «Мастер и Маргарита». Причем на протяжении всей книги это для Катаева роман не о Мастере, а о Воланде (понимаемом как дьявол) и его свите. Катаев придает Синеглазому злое щие черты: он виноват в смерти Берлиоза. Наконец, в заклю-

чительной части книги изваяние Синеглазого изображено так: Синеглазый стоит, «дружески обнявшись с Мефистофелем», весь «во власти третьего Г — Гуно», но не забывающий «и двух первых: Гоголя, Гофмана» [210].

Таким образом, Синеглазый в книге «Алмазный мой венец» — не просто персонаж с мифологическим ореолом, а демонический образ (об этом пишет и Л. Л. Фиалкова³⁴), сродни Воланду.

От рассказа («Медь, которая торжествовала») к книге («Алмазный мой венец») Катаев меняет вектор: раньше «вечную любовь» двух влюбленных разрушал обыватель, теперь — мифическое существо наподобие Воланда.

По нашему мнению, в своей книге Катаев обращается к *булгаковскому мифу*³⁵.

Миф о творце (художнике) как разновидность *биографического мифа*³⁶ начал создавать о себе еще сам М. Булгаков. *Миф о творце (художнике)* часто, и в случае М. Булгакова это так, включает в себя *автобиографический миф* (определение этого феномена дано Д. М. Магомедовой)³⁷. Нельзя не заметить, что у разных писателей особо актуализируется какая-то или какие-то части мифа. В случае Булгакова на первый план выходят *миф о «распятии», жертве художника и миф о безвременной, но запрограммированной смерти*, а также достаточно редкий среди *писательских мифов* — *миф о посмертном существовании*³⁸.

Согласно мифу о творце, художник — избранный, он не такой, как все, противостоит среде, массе, обыденности, его жизнь полна знаков и сбывающихся предчувствий. Этот (первый) компонент *булгаковского мифа* был сформирован в первую очередь самим М. Булгаковым, а также Е. С. Булгаковой, В. Я. Лакшиным, С. Ермолинским³⁹.

В своей книге Катаев обращается именно к этой части *булгаковского мифа*:

Я [Булгаков о себе. — М. К.] буду лежать в гробу, и когда меня начнут выносить, произойдет вот что: так как лестница узкая, то мой гроб начнут поворачивать и правым углом он ударится в дверь Ромашова, который живет этажом ниже. Все произошло именно так, как он предсказал. Угол его гроба ударился в дверь драматурга Бориса Ромашова... [210–211].

Но, как утверждают авторы Комментария, свидетельств правдивости этого рассказа нет⁴⁰.

Обратим внимание, что Катаев в своей книге пытался дополнить булгаковский биографический миф. Катаев подводит читателя к мысли о дьявольской природе Синеглазого — «дьявольские огоньки горячей серы» в глазах; «был склонен к общению со злыми духами»; Берлиоз попал под трамвай «по воле синеглазого» (в «Мастере и Маргарите» Иванушка в первые часы после происшествия считает, что по вине Воланда⁴¹) — так происходит наложение образа Синеглазого на образ Воланда.

«Для христианина любой конфессии демонизм романа М. Булгакова очевиден», — пишет иеромонах Иов (Гумеров)⁴². Диакон А. Кураев считает, что «пилатовы главы» романа «Мастер и Маргарита» кощунственны⁴³. На тему ведьминских способностей Е. С. Булгаковой шутил в своих воспоминаниях В. Я. Лакшин⁴⁴. Однако нам не встречалось упоминаний или рассуждений современников М. Булгакова о чем-то сатанинском в его лице или поведении.

Другой вопрос, что одна из исследовательниц творчества М. Булгакова — Л. М. Яновская — в разговоре с Е. С. Булгаковой однажды воскликнула: «Да ведь Булгаков — не мастер, Булгаков — Воланд!» И Е. С. Булгакова приняла эти слова с «горделивой благосклонностью», но от комментариев воздержалась⁴⁵. И хотя, как считают многие булгаковеды, Воланд — не сатана в библейском смысле⁴⁶, если это суждение Л. М. Яновской было известно Катаеву или эта мысль пришла ему в голову, то он мог заняться дополнением булгаковского биографического мифа.

Мы видим два объяснения внимания В. Катаева к демонизму Синеглазого.

Первое: в рассказе «Медь, которая торжествовала» виновником разлуки влюбленных в большей мере был Иван Иванович — человек, обыватель. В книге «Алмазный мой венец» повторяется: «нас разлучила страшная сила, рок», «мы жертвы судьбы». Параллельно рассказчик внушает читателю мысль о демонизме Синеглазого. Происходит наложение смыслов: демонический брат Синеглазки и есть «страшная сила», «рок». (Намеки на отрицательное отношение Синеглазого к любви рассказчика и Синеглазки присутствуют в книге, например: Синеглазый «...иногда грустно напевал: „Я за сестру тебя молю“, что я относил на свой счет» [71]). Проиграть року достойно, человеку — унижительнее. Так Катаев словно корректирует ранее написанное.

Второе: Катаев в книге «Алмазный мой венец», отталкиваясь от мифа булгаковского, творит и свой собственный биографический миф.

На протяжении всей книги Катаев пытается уравниваться с Синеглазым. Так, говоря о «знаменитых» писателях, вышедших из «Гудка», он называет пять произведений Булгакова и в числе некоторых других текстов — свою повесть «Растратчики»:

По странному стечению обстоятельств в «Гудке» собралась компания молодых литераторов, которые впоследствии стали, смею сказать, знаменитыми писателями, авторами таких произведений, как «Белая гвардия», «Дни Турбинных», «Три толстяка», «Зависть», «Двенадцать стульев», «Роковые яйца», «Дьяволиада», «Растратчики», «Мастер и Маргарита» и много, много других» [131–132].

Выглядит это неубедительно: повесть Катаева оставила меньший след в русской литературе по сравнению с другими названными произведениями.

Обратим внимание также на такой фрагмент книги:

Судьба дала ему [Ключику, прототип которого — Ю. Олеша. — М. К.], как он однажды признался во хмелю, больше таланта, чем мне, зато мой дьявол был сильнее его дьявола. Что он имел в виду под словом «дьявол», я так уже никогда и не узнаю. Но, вероятно, он был прав [90].

В контексте рассуждений о демонизме Синеглазого эта цитата еще раз подтверждает, что рассказчик книги «Алмазный мой венец» уверен, что талант и, главное, его реализация всегда от дьявола. Говоря словами Катаева, его дьявол был слабее дьявола Булгакова, но он был! И это дало автору право написать книгу «Алмазный мой венец», которая заканчивается описанием прямого взаимодействия рассказчика с Ваятелем — некоей inferнальной силой [214].

Важно, что в последнее время эта мысль, идея начала актуализироваться в изданиях о Катаеве. Например, С. Шаргунов — автор книги о жизни и творчестве В. Катаева для серии «Жизнь замечательных людей» (2016) — несколько раз шуточно пишет о вампиризме своего героя. Еще во введении автор книги говорит: «Катаев вампирически был жаден до красок»⁴⁷. О книге «Алмазный мой венец» здесь сказано:

В финале в некоей «заресничной стране», как бы в парижском парке Монсо, повествователь обнаруживал своих друзей в виде «ярко-белых и не отбрасывающих теней скульптур» и, поняв, что остался один, вдруг сам начинал коченеть от «звездного мороза вечности»... Переставая отбрасывать тень. Как вампир. Все произведение пронизано вампиризмом: они умерли, а я нет и теперь распоряжаюсь ими. «Они не могут ему ответить», — будто бы сказал со сцены Виктор Шкловский и заплакал. Кстати, чужие раскавыченные стихи в прозе и чужие строчки в названиях повестей и романов как принцип — чем не вампиризм?⁴⁸

Итак, как мы выяснили, образ Синеглазого в книге «Алмазный мой венец» включает в себя три составляющие:

- мемуарную: восприятие В. Катаевым М. Булгакова как человека и писателя и воспоминания о нем;
- литературную: отражение в образе Синеглазого из книги «Алмазный мой венец» В. Катаева образа Ивана Ивановича из его же рассказа «Медь, которая торжествовала», присутствие в тексте Катаева отсылок к произведениям Синеглазого и др.;
- мифологическую: в книге «Алмазный мой венец» В. Катаев обращается к той части *булгаковского мифа*, которую можно определить, как *писатель — пророк*, предлагает еще одну составляющую *булгаковского мифа* — демоническое в личности М. Булгакова, а также работает над собственным биографическим мифом.

Образ Синеглазого в книге включает в себя следующие черты:

- человек с чуждым рассказчику мировоззрением;
- автор фельетонов, «Дьяволиады», «Белой гвардии», «Мастера и Маргариты»;
- литературный персонаж (иногда дословные схождения с рассказом «Медь, которая торжествовала» отсылают читателя к образу Ивана Ивановича);
- писатель-пророк;
- роковая сила, разлучившая рассказчика с Синеглазкой;
- демоническая личность.

Отсюда можно сделать вывод, что образ имеет как бытовой, так и бытийный ореол.

Примечания

- 1 Катаев В. П. Алмазный мой венец. М.: ДЭМ, 1990. С. 63. Далее ссылки на указанное сочинение будут приводиться в тексте статьи с указанием номера страницы в квадратных скобках.
- 2 Булгаков М. А. № 13. — Дом Эльпит-рабкоммуна // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 2. С. 242–250.
- 3 См.: Котова М. А., Лекманов О. А. (при участии Л. М. Видгофа) В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. 288 с. URL: <http://www.rulit.me/author/lekmanov-oleg-andershanovich/v-labirintah-romana-zagadki-kommentarij-k-romanu-v-p-kataeva-almaznyj-moj-venec-get-371318.html> (дата обращения: 2.09.2016).
- 4 См.: Котова М. А., Лекманов О. А. (при участии Л. М. Видгофа). Указ. соч.; Варламов А. Михаил Булгаков. М.: Мол. гвардия, 2008. С. 239–242.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Катаев В. Медь, которая торжествовала // Катаев В. Бездельник Эдуард: Рассказы. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. С. 53.
- 8 Там же. С. 47.
- 9 См.: Котова М. А., Лекманов О. А. (при участии Л. М. Видгофа). Указ. соч.; Варламов А. Указ. соч. С. 239–242.
- 10 Варламов А. Указ. соч. С. 242.
- 11 Катаев В. Медь, которая торжествовала... С. 48.
- 12 Там же. С. 49.
- 13 Там же. С. 49.
- 14 Там же. С. 50.
- 15 Там же. С. 53.
- 16 См.: Котова М. А., Лекманов О. А. (при участии Л. М. Видгофа) Указ. соч.
- 17 Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной. М.: Мол. гвардия, 2016. 704 с. Сер. ЖЗЛ. URL: <http://coollib.com/b/355108/read> (дата обращения: 15.07.2017).
- 18 См.: Котова М. А., Лекманов О. А. (при участии Л. М. Видгофа). Указ. соч.
- 19 Шаргунов С. Указ. соч.
- 20 См.: Варламов А. Указ. соч. С. 224.
- 21 См.: Лурье Я. С., Рогинский А. Б., Чудакова М. О. Комментарии // Булгаков М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 563, 598; Гудкова В. В. Комментарии // Булгаков М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 663–665, 670–677, 682–684.
- 22 Гудкова В. В. Комментарии... С. 683.

- 23 *Булгаков М.* Под пятой // Независимая газета. 1993. 24 ноября.
- 24 Шаргунов С. Указ. соч.
- 25 Там же.
- 26 *Котова М. А., Лекманов О. А.* (при участии *Л. М. Видгофа*). Указ. соч.
- 27 *Катаев В.* Медь, которая торжествовала... С. 48.
- 28 Там же. С. 51.
- 29 См.: *Булгаков М. А.* Роковые яйца // Булгаков М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 92, 93, 94, 108–112, 115.
- 30 *Соколов Б. В.* Булгаковская энциклопедия. М., 1996. С. 405–406.
- 31 Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 163.
- 32 Там же. С. 155, 577.
- 33 *Гете И.-В.* Фауст / пер. с нем. Б. Л. Пастернака. М.: Изд-во «Э», 2015. С. 160.
- 34 *Фиалкова Л. Л. М.* Булгаков как персонаж современной русской литературы: парадигма мифологизированных образов // V Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)»: Материалы конференции. М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016 г. / ред.-сост. А. В. Леденев, П. Е. Спиваковский. М.: МАКС Пресс, 2016. CD – электронное издание. С. 340–341.
- 35 О «булгаковском мифе» см.: *Капрусова М. Н.* «Булгаковский миф» и его эволюция // Проблемы целостного анализа художественного произведения: Межвузовский (с международным участием) сборник научных и научно-методических статей. Вып. 6. Борисоглебск, 2006. С. 6–20; *Капрусова М. Н.* «Булгаковский миф»: вариант определения и описания // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Международной научной конференции 16–17 ноября 2006 г. М.: Изд-во МУ им. С. Ю. Витте, 2006. С. 116–120.
- 36 См.: *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Таллинн, 1992–1993. Т. 1. С. 365–376; *Местергази Е.* «Литературная личность», «писатель с биографией» и проблема житнетворчества // Начало: сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Касаткина. М., 1995. Вып. 3. С. 32–46.
- 37 *Магомедова Д. М.* Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. степени доктора филол. наук. М., 1998. С. 7. Именно так понимает «булгаковский миф» Б. М. Гаспаров. (См.: *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 80, 109–110, 111, 113, 114, 115).
- 38 *Капрусова М. Н.* «Булгаковский миф» в современной русской «звучащей» и сетевой поэзии // Михаил Булгаков, его время и мы:

Коллективная монография / под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. Краков: Scriptum, 2012. С. 578.

39 *Булгаков М. А.* Письма // Булгаков М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 572, 573–574; *Дневник Елены Булгаковой* / Сост. В. Лосев, Л. Яновская. М., 1990. С. 260, 265, 271, 277, 294–297, 318, 321; *Лакшин В. Я.* Елена Сергеевна // Лакшин В. Я. Вторая встреча: Воспоминания и портреты. М.: Сов. писатель, 1984. С. 364–365; *Гаспаров Б. М.* Указ. соч. С. 80. То, что автобиографичность образа Мастера особенно подчеркнута в воспоминаниях С. Ермолинского, что есть в них и прямое соотношение умирающего Булгакова с Иешуа, отмечено Б. М. Гаспаровым (*Гаспаров Б. М.* Указ. соч. С. 80).

40 *Котова М. А., Лекманов О. А.* (при участии *Л. М. Видгофа*). Указ. соч.

41 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Указ. соч. Т. 5. С. 49–55, 63–65, 69–70, 87, 88–90, 112–113.

42 *Иеромонах Иов (Гумеров)*. История рассказана устами сатаны. URL: http://www.verappravoslavnaaya.ru/?Demonizm_romana_Bulgakova_Master_i_Margarita (дата обращения: 15.07.2017).

43 *Диакон А. Кураев*. Фантазия и правда «Кода да Винчи». М.: АСТ: Зебра Е, 2007. С. 9.

44 *Лакшин В. Я.* Указ. соч. С. 354–365.

45 *Яновская Л. М.* Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013. С. 460, 461.

46 См., например: *Яновская Л. М.* Указ. соч. С. 49, 455–461; *Лескис Г., Атарова К.* Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Радуга, 2007. С. 84–86; *Белобровцева И., Кульюс С.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: комментарий. Таллинн: Арго, 2006. С. 141, 150, 357–358.

47 *Шаргунов С.* Указ. соч.

48 Там же.